

Я правду собираю по частицам,
Как каменщик, что строит этажи.
Ищу ее, крупицу за крупницей,
В чужих завалах хитрости и лжи.
Но как же остро хочется порою,
Устав от лжи бесчувственно-пустой,
Побыть хоть час с открытою душой,
Где, словно луч с хрустальной водою,
Сверкает правда рыбкой золотой!

Эдуард Асадов.

«Я правду собираю по частицам...»

Утро получилось довольно суетливым, как обычно. А если прибавить к этой суетливости плохое настроение Дениса, то можно сказать, оно совсем не задалось. Хотя чему тут удивляться? Привыкнуть пора...

Это поначалу ей странным казалось: как можно проснуться с плохим настроением в таком доме? В такой спальне, где все красиво и уютно устроено? Как можно не выспаться в такой шикарной кровати, наконец? Да если даже не выспаться по каким-то причинам... Ведь стоит после пробуждения выйти на балкон и послушать, как птицы поют, вобрать в себя вкусный свежайший воздух и аромат влажной газонной травы, зажмуриться от солнца, поднимающегося над охристыми сосновыми стволами, и никакой сонливости уже в помине нет! Такая благодать кругом, господи! И так жить хочется, во всю силу жить! Ну как, как Денис всего этого не чувствует, не ощущает, не замечает?

Наверное, он просто привык. С детства. С рождения. Другой жизнью не жил, ему сравнивать не с чем. А ей-то как раз есть...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Тебе кофе с молоком или со сливками? — спросила заботливо, стараясь не замечать его недовольного лица.

— Да не надо ничего... Ты же прекрасно знаешь, что я по утрам только черный кофе пью!

Наташа только улыбнулась, ничего не ответила. А могла бы ответить, чего уж там! Мол, что это еще за новости относительно черного кофе по утрам? Всегда со сливками пил или с молоком, а сегодня другой вариант на ходу придумал! Еще и глянул с таким возмущением, будто она забыла! Так и нарывается на ее ответное возмущение, да и самой хочется ответить что-нибудь этакое! Мол, я виновата разве, что ты опять не с той ноги встал?

Хотела было сказать, да передумала. Не ссориться же с утра из-за такого пустяка. Тем более она прекрасно понимает, почему у мужа настроенная нет. И он понимает, что она понимает. И поэтому произносит почти жалобно:

— Сегодня опять отец будет зверствовать, я знаю... Так не хочется на работу ехать, если б ты только знала! Делает со мной, что хочет! Мнет в руках, будто я пластилиновый... Даже не спрашивает, хочу я у него работать или нет! А может, я свое дело открыть хочу? Взял бы и дал мне первоначальный капитал, я бы открыл! Но ведь не даст же, я знаю! Ему больше мной командовать нравится, как мальчишкой!

— Но ведь ты его единственный сын, Денис...

Это моя правда

Его тоже можно понять... Он хочет тебе свое дело передать, больше ведь некому...

— А я? Я этого хочу или нет, а? Почему у меня спросить не удосужится, нужно ли мне его дело? — тут же взъярился Денис, отталкивая от себя тарелку с яичницей. — Я что для него, предмет неодушевленный?

— Ну почему же сразу предмет, да еще неодушевленный... Очень даже одушевленный, ты ж его родной сын! Просто у него характер такой... Твердокаменный. Он никогда своих чувств не демонстрирует. А на самом деле отец очень любит тебя, ты и сам это знаешь!

— Ага, любит. Потому и гоняет в хвост и в гриву... Знаешь, как мне надоело? Да он никого так не гоняет, как меня!

— Он просто хочет, чтобы ты поскорее всему научился, Денис. Чтобы его опорой стал, верным помощником. Ты ведь согласился работать у него на фирме, по другому пути не пошел...

— Интересно, а кто бы мне дал пойти по другому пути, а? Ты хоть сама-то понимаешь, что говоришь? У меня что, был выбор, по-твоему? Я ж тебе объясняю: никогда он мне не позволит своей дорогой идти... Я уже пытался, просил у него денег на свое дело... А он мне в ответ — нецелесообразно, мол! Если есть семейный бизнес, надо им и заниматься! Ну как с ним спорить, а? Он же считает, что всегда и во всем прав...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

И опять она не стала ему отвечать, только пожала плечами неопределенно. Да и что тут ответить можно? Мол, выбор всегда есть? Хочешь — иди в семейный бизнес, хочешь — не ходи? Своим путем иди? Если он у тебя есть, конечно, этот свой путь... Ведь нет его, если честно. Денис это сам прекрасно понимал. Да и характер у него слишком мягкий, чтобы продираться самому через тернии к звездам. И покушений даже никаких не предпринимал, чтобы встать на свой путь... Отец сказал — будешь у меня на фирме работать, вот он и работает.

— Он же... Он же все время мной недоволен, представляешь? — продолжил сердито Денис. — Еще и унижить при всех норовит... Посмотрите, говорит, на кого я дело свое оставлю когда-нибудь, гляньте на моего наследничка! Другой бы на его месте землю копытом рыл, за все подряд хватался, во все тонкости свой нос совал! А этот... Посмотрите на него, это же яркий пример того, как на детях природа отдыхает! Знаешь, как мне обидно все это терпеть?

— А ты не терпи... Ты просто работай хорошо, старайся...

— Да что ты в этом понимаешь! Старайся, главное! Я что, не стараюсь, что ли? Как могу, так и стараюсь... А ему все мало, все время у меня какие-то косяки выискивает! Еще и себя в пример приводит... Мол, я в твои годы то, я в твои годы

Это моя правда

се... Я с нуля в девяностые начинал, мы с твоей матерью на одних макаронах сидели, пока чего-то добились... Я виноват, что сейчас не девяностые, да? Виноват, что они на макаронах сидели?

— А вот сейчас ты совсем, совсем не прав, Денис... Хотя бы элементарное чувство благодарности надо включить, не находишь? У тебя очень хорошие родители, они очень любят тебя, они готовы все для тебя сделать! И отец твой, и мама... Или ты хочешь мажором-бездельником быть, что ли?

— Да кто ж мне это позволит, с ума сошла?

— Ну так я об этом и говорю! Я считаю, что у тебя просто замечательные родители, Денис, тебе с ними очень повезло! А мама у тебя какая, а? Она ж у тебя такая умница, такая красавица! Да такую маму на руках надо носить, между прочим!

Денис замолчал, глянул на нее чуть насмешливо. Даже отодвинулся слегка от стола, будто хотел рассмотреть получше. Потом спросил тихо, почти вкрадчиво:

— Вот не пойму я тебя, Наташка... Вроде мы два года уже вместе живем, а я тебя до конца так и не могу понять... Ты у меня святая, что ль? Или просто придуриваешься?

Наташа подняла брови, глянула с недоумением. Потом переспросила весело:

— Святая, говоришь? Это что, комплимент такой или выражение недовольства? Что-то новенькое для меня, однако...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ничего новенького! Ты же прекрасно понимаешь, о чем я! Вот ты говоришь — хорошие у меня родители, заступаешься за них... Мол, мать мою на руках носить надо... Ты это вполне серьезно говоришь, да? Не придуриваешься?

— Нет... Отчего же я буду придуриваться?

— Да оттого! Мать тебя гнобит, как может, от всей души! Вечно пытается тебя носом в лужу сунуть, как маленького котенка... А ты в ответ всегда улыбаешься только! Всегда всем довольна, слова поперек не скажешь! Одно слово — святая! Будто не замечаешь ничего...

— Отчего же не замечаю? Замечаю. Просто я твою маму прекрасно понимаю, вот и все объяснение моей покладистости. Она же явно другую невестку себе хотела, а я... Я тебе не ровня. Я из другого социального слоя... Вот она и не может смириться, хотя ведет себя вполне даже прилично, на мой взгляд, старается свою досаду так уж явно не демонстрировать. Да ты и сам все прекрасно знаешь, что я тебе объясняю!

— Ну, мне лучше знать, кто мне ровня, а кто не ровня! Уж тут-то я могу сам решать, уж в эту область родители сунуться бы не посмели... Какую жену выбрал, ту и примите! Можете ее не любить, конечно, но принять и уважать обязаны! Потому что это мой выбор!

— Ну вот! А ты говоришь, они с тобой не считаются! Еще как считаются! И вовсе твоя мама

Это моя правда

меня не гнобит, зря ты так... Мы с ней прекрасно нашли общий язык, я считаю...

— Ладно, понял я тебя, святая защитница! Ишь, заболтала меня, на работу могу опоздать...

— Я заболтала?!

— Ты! Кто же еще? Других святых заступниц у меня нет... Все, я пошел! Спасибо за завтрак! До вечера, Наташка!

— Да, до вечера... Я тебя провожу до машины... — подскочила она из-за стола вслед за ним.

Потом долго еще стояла у раскрытых ворот, глядела вслед отъезжающей машине. Махала рукой. Улыбалась ободряюще. Давай, мол, все будет хорошо у тебя сегодня...

Вернувшись в дом, встала у окна в гостиной, прогнулась в спине, закинула руки за голову — хорошо как, господи... Вид из окна такой, что с ума можно сойти!

Да и не окно это было, а почти стена такая стеклянная. Стоишь, словно в воздухе зависаешь над всей этой красотой. Смешно, но чувствуешь себя как та романтическая героиня Островского, монологом которой мучили еще в школе. Как там она говорила... Отчего, мол, люди не летают, как птицы? Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела...

Хотя, надо отдать должное, стеклянная стена тут ни при чем. Это натура у нее такая — слишком уж романтическая. Как мама всегда говаривала —

ВЕРА КОЛОЧКОВА

откуда что взялось, при нашей-то разнесчастной жизни?

Действительно, откуда что взялось? Какая романтика, если не в небе летать приходилось, а на огороде все время вкалывать, чтобы зимой с голоду не умереть? Мама болела все время, на инвалидности была. А пенсия на инвалидности — это ж не пенсия, а слезы жалкие! Вот и приходилось огородом кормиться, иначе не проживешь. И дрова на зиму самой заготавливать, и сено косить для коровы. Никто уже в поселке корову не держал, а они свою Милку обхаживали как родную! От нее ж и молоко, и сметана, и масла сколько-нисколько получалось. Если в магазин за всеми этими удовольствиями ходить, это ж кучу денег надо потратить, а где их взять-то прикажете? Вот и получается: или голодная сиди, или на Милку молись, чтоб от какой болезни не сдохла. Мама даже шутила довольно грустно по этому поводу — интересно, мол, кто из нас быстрее на тот свет отправится, я или Милка? Лучше бы я, конечно... Чтоб тебе, Наташка, до взрослой самостоятельности дожить на масле да на сметане, а потом уж и зарабатывать начнешь... Она сердилась на маму, конечно, хотя и потихоньку. Громко сердиться боялась, чтобы маму не волновать лишний раз, потому что от волнения давление может подняться, а там и до сердечного приступа недалеко. И вообще старалась все делать сама,

Это моя правда

хваталась за любую работу, которой конца и краю не было. Зимой надо было печку топить и снег со двора большой лопатой сгребать, летом воду на огород таскать из колодца...

Вот и рассудите: какая ж тут, к лешему, романтика? Некогда было на горку забраться да восклицать с пафосом — отчего люди не летают, как птицы?

После восьмого класса они с мамой рассудили, что нет ей резону дальше в школе учиться, пора профессию получать. Мама хотела, чтобы она в строительный техникум пошла, потому как профессия эта хлебная и довольно востребованная, и даже у них в поселке можно в строительно-ремонтной конторе устроиться. Но она рассудила по-своему — решила в медучилище пойти. Может, не так хлебно получится, зато в жизни больше пригодится. Потому что за мамой ведь тоже медицинский пригляд нужен... Мало ли как со здоровьем дальше будет? Вдруг совсем плохо? А тут своя медсестра под боком, можно сказать...

Решено — сделано. Поехала в город, поступила в медучилище, закончила его с отличием. По ходу дела новых подруг обрела, Таню и Олю. Они с Таней были приезжими, в общежитии в одной комнате жили, а Оля городской была. Вот у нее дома тусовались все время и сроднились, и мама Олина их полюбила. Правда, пути их потом разошлись... Оля с Таней дальше учиться пошли, в медицин-